

ПРОТИВ НЕКОТОРЫХ БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ОБРАЗОВАНИЯ ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

В. Т. Пауто

Образование государства — тема, которая в последние годы становится все более актуальной в исторической науке. Широкое изучение истории формирования феодальных государств в Европе (да и не только в Европе) настоятельно свидетельствует о преимуществах сравнительно-исторического исследования этой проблемы. Марксистский сравнительно-исторический метод коренным образом отличается от буржуазного¹. Советские историки Б. Д. Греков и А. И. Неусыхин добились выдающихся результатов, обобщая свои наблюдения, полученные путем сравнительного анализа раннефеодальных источников различных народов Европы. Такой подход к изучению проблемы — не самоцель. Он продиктован и состоянием источников, которые веледствие конкретных местных исторических условий с различной степенью полноты освещают те или иные этапы и стороны общественной и политической жизни народов.

Образование Литовского государства — тема в нашей историографии сравнительно новая. Ее изучение не только имеет существенное значение для создания обобщающих трудов по истории Литовской ССР, но и необходимо для правильной оценки внешнеполитических условий развития национальных государств России и Польши, а также народов Белоруссии и Прибалтики. Вопрос представляет известный теоретический интерес, поскольку позволяет осветить историческое значение синтеза раннефеодальных отношений Литвы с развитыми феодальными отношениями Белоруссии. Проблема образования Литовского государства привлекает внимание историков нашей страны, и широкий обмен мнениями между советскими и зарубежными исследователями по этому вопросу полезен. В связи с этим нам хочется высказать ряд соображений по поводу критической статьи западногерманского историка М. Гельманна «К возникновению Литовского государства»², в которой ясно выражена концепция, разделяемая многими буржуазными учеными.

М. Гельманн задался целью привлечь внимание западногерманской научной общественности «к новым попыткам истолкования ранней литовской истории»³ с тем, чтобы показать их несостоятельность. В своей статье он в основном полемизирует с положениями⁴, выдвинутыми в ряде работ автора этих строк.

¹ Об основных принципах сравнительно-исторического метода см. А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М. 1956.

² M. Hellmann. Zu den Anfängen des litauischen Reiches. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Bd. 4, H. 2. München. 1956, S. 159—165. О других работах М. Гельманна см. также рецензию В. В. Дорошенко. «Известия Академии наук Латвийской ССР», № 9 (110). Рига. 1956, стр. 147—155.

³ M. Hellmann. Указ. соч., стр. 159.

⁴ Эти положения нашли признание среди наших литовских коллег, как можно видеть из недавно вышедшего курса литовской истории. См. Lietuvos TSR istorija. T. I. Vilnius. 1957, p. 38—77.

Во-первых, и это основное, М. Гельманн не согласен с тем, что главная причина образования Литовского государства коренится в самой Литве. Он пишет: «Попытка Пашуто объяснить возникновение Литовского «единого государства» середины XIII в., то есть приход Миндовга к единовластию, как следствие в н у т р е н н и х литовских процессов на социально-экономическом базисе, несомненно... не удалась»⁵. Во-вторых, отвергая закономерность в истории вообще, М. Гельманн отказывается видеть ее и в литовской истории, в частности, он сомневается, что «можно доказать на основании источников», будто «и литовцы пережили те же стадии развития», которые, как он выражается, «в советской историографии считаются мерилом всех других европейских народов»⁶.

Аргументы, выдвинутые этим историком, мы будем рассматривать последовательно, один за другим. Первый довод состоит в том, что литовские источники относятся лишь к XIII в.⁷; привлечение материалов по истории пруссов и ятвягов неправомерно, ибо это не литовцы и подобное действие будет нарушать основы исторического источниковедения⁸. И вообще «кажется сомнительным, имея в виду нынешнее состояние источников, чтобы было возможно удовлетворительно «объяснить» истоки образования Литовского государства. Немногие, случайные и отрывочные, сведения, содержащиеся в них, давно известны и использованы во всех направлениях. Кроме отдельных точек зрения, нового они дать не могут. Раскопки откроют многое, но не по главной теме»⁹.

Думаем, что М. Гельманн слишком мрачно оценивает современное состояние источников. Благодаря многолетним трудам русских, немецких, польских и литовских археографов историки древней Литвы располагают обширным фондом материалов. Это, во-первых, русские (киевские, галицко-волынские, владими́ро-суздальские, новгородские, псковские, московские) и литовские летописи, которые не только освещают главные этапы литовско-русских отношений, но и сохранили немало драгоценных известий о внутренней истории Литвы. Во-вторых, немецкие хроники (прежде всего Генриха, рифмованная, Германа Вартберге, Петра Дюсбурга, Виганда Марбурга), позволяющие в сопоставлении с польскими хрониками и дипломатическим материалом не только составить достаточно цельное представление об истории взаимоотношений Литвы с Ливонским и Прусским орденами, с которыми литовский народ вел вековую борьбу, но и выявить немаловажные факты внутренней истории Литвы.

В-третьих, источники по истории пруссов: Тацит (I в.), сообщение Вульфстана (IX в.), жития Адальберга и Брунона (XI в.), Кишпоркский договор (1249 г.), жалованные грамоты Ордена местным нобилям (XIII—XIV вв.) и Помезанская правда (XIV—XV вв.).

М. Гельманн без достаточных оснований отвергает прусские источники. Во-первых, пруссы — соседняя, сходная по языку, обычаям и культуре, наиболее близкая литовцам этническая группа; во-вторых, часть их (из Бартии, Вармии, Натангии, Ятвягии и др.) переселилась в Литву (в XIII—XIV вв.) и вошла в качестве одного из компонентов в формировавшуюся литовскую народность; в-третьих, исторические судьбы литовцев и пруссов тесно связаны между собой: самоотверженная борьба пруссов ослабила натиск Ордена на Литву; в свою очередь, неоднократные походы литовских войск на опорные пункты Ордена в прусской земле хотя и не привели к ее освобождению от власти чужеземцев, но оказали сдерживающее влияние на Орден и продлили историче-

⁵ М. Hellmann. Указ. соч., стр. 164.

⁶ Там же, стр. 160.

⁷ Там же, стр. 161.

⁸ Там же, стр. 160.

⁹ Там же, стр. 165.

ское существование прусской народности. Наконец, и это главное, не отождествляя пруссов с литовцами, мы вправе использовать материал прусской истории патриархально-общинного периода, памятуя о сходстве общественного строя литовцев и пруссов. При этом следует отметить, что прусские юридические нормы в модифицированной форме использовались жителями коренных литовских земель. Это делает их сравнительно-историческое изучение не только возможным, но и прямо необходимым. Достаточно сказать, что древнее прусское право, отраженное в Помезанской правде, было пожаловано Орденом литовской жемайтской знати на рубеже XV в., хотя домогалась она более развитого культурного права; что акты пожалований Ордена прусским нобилиям тождественны с актами пожалований бежавшим под власть Ордена нобилиям литовским; что интересы жемайтской знати, выраженные в ее жалобе на Орден в 1416 г., во многом совпадали с требованиями пруссов, отраженными в Кишпоркском договоре. Привлечение прусских источников дает, таким образом, исследователю возможность полнее восстановить недостающее звено в истории Литвы периода ее дофеодального, договорного развития¹⁰.

В-четвертых, литовский актов и дипломатический материал. При комплексном сравнительно-историческом и ретроспективном изучении он приобретает первостепенное значение для исследования истории имущественного, социального неравенства и формирования классов в Литве. Это — жалованные грамоты литовского правительства литовским и иноземным феодалам, а также грамоты и привилегии XIV—XV вв., которые отменяли некоторые нормы интересующего нас времени. Жалованные грамоты немецкого Ордена беглым литовским нобилиям относятся к 1260—1330 годам. Выданные лицам, искавшим у немецких рыцарей поддержки для восстановления в Литве своих прав, узурпированных великими князьями, эти документы могут быть сопоставлены с грамотами, пожалованными прусским нобилиям, и позволяют установить характер и тождество общественного строя в прусских и литовских землях. Весьма интересны для социально-экономической истории материалы, касающиеся спора литовского правительства с Орденом в 1401 г. из-за выдачи беглых жемайтских крестьян, а также из-за земли Виелоне, и, наконец, жалоба жемайтов 1416 г. папской курии и европейским правительствам. Жалованные грамоты XVI в. белорусским и жемайтским землям, хранящие некоторые черты древних привилегий, раскрывают характер объединительной политики литовского правительства, структуру общественного и государственного строя Литовского великого княжества. Договоры с Русью, Орденом и Польшей (среди них есть такие оригинальные источники, как договоры 1219, 1323, 1338 гг.), а также документы переписки с папской курией, городами и духовенством позволяют судить о функциях Литовского государства XIII—XIV вв. и особенно его внешнеполитической деятельности. В-пятых, историк может использовать обширный археологический, этнографический и эпический материал.

Источников не так уж мало. Задача сводится к тому, чтобы правильно понять их как памятники феодальной идеологии, политической и классовой борьбы. Для этого, быть может, понадобится и более детально изучить уже известные источники, а также ввести в научный оборот некоторые незаслуженно забытые памятники, такие, как сообщение Вульфстана, жития, Кишпоркский договор, Помезанская правда. Следовательно, нельзя сказать, что все источники изучены досконально.

¹⁰ Вообще пора возродить историю прусского народа, истребленного немецкими феодалами. Это прямой долг историков тех стран, которые ныне владеют освобожденной от гнета немецких завоевателей прусской землей Прибалтийского Поморья.

В своей критической статье М. Гельманн следует старым традициям буржуазной науки.

Дворянско-буржуазная концепция образования Литовского государства (точнее говоря, Литовского великого княжества) сложилась в XIX—XX веках. Русские дворянско-буржуазные историки (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский) мало уделяли внимания древней Литве. Украинские исследователи истории и права Ф. И. Леонтович, В. Б. Антонович, М. Ф. Владимирский-Буданов, Н. П. Дашкевич, М. С. Грушевский, а вслед за ними М. К. Любавский и А. Е. Пресняков ограничились освещением лишь некоторых вопросов политической эволюции раннефеодального Литовского государства.

Старая историография в вопросе об образовании государства не выходила за рамки буржуазной социологии: она, как и ныне М. Гельманн, отрицала историческую закономерность, а потому проповедовала агностицизм; исключала первенствующее значение экономики, «анонимного социально-экономического фактора», или, как писал В. Каменецкий, «массы анонимной»¹¹, а потому отрывала политику от экономики; игнорировала классовую природу государственной организации общества, а потому стирала грани между классовым и доклассовым строем и смешивала такие категории, как род, семья, племя, община; наконец, отвергала первостепенную роль народных масс в истории, а потому переоценивала роль личностей — князей, полководцев и т. п.

В советской историографии проблема образования государства по праву заняла одно из центральных мест. Она была поставлена в связь с генезисом нового способа производства. Труды Б. Д. Грекова, В. И. Пичеты, С. В. Юшкова, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, использующие русский материал, Г. Ловмянского, К. Тыменецкого, а также других ученых, построенные на польских источниках, Э. Молнара — на венгерских — во многом способствовали выяснению этой проблемы, хотя некоторые ее существенные стороны и поныне остаются в тени. Разработке этого сложного вопроса немало содействовали наши медиевисты. На основе широких научных изысканий созданы обобщающие коллективные труды по истории Украины, Белоруссии, Латвии, Эстонии, Литвы, «Очерки» по истории народов СССР, фундаментальные работы по истории Польши.

Значение их для историка Литвы неоспоримо по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, в них дается анализ образования феодального государства как процесса имманентного в истории общества; во-вторых, эти работы, поскольку в них пересматриваются прежние представления об уровне развития и характере строя общества на Руси, в Польше и других соседних Литве странах, открывают возможность по-иному взглянуть и на внешнеполитические условия образования Литовского государства.

Для исследования данной проблемы в плане историко-археологическом много сделано учеными Прибалтики. Генезис феодализма получил отражение в трудах Р. Куликаускаене, П. З. Куликаускаса, А. З. Таутавичуса, П. Ф. Тарасенко, П. В. Дундулене, Р. Яблонските-Римантене и в обобщающих статьях известного эстонского археолога Х. А. Моора. Исследование процесса образования Литовского государства облегчено созданием трудов (В. И. Пичеты, К. Яблонкиса, Д. Л. Похилевича, Ю. М. Юргиниса, М. А. Ючаса, Б. Н. Дундулиса и других) по социально-экономической и политической истории Литвы XIV—XV веков. Еще больше сделано в области изучения внешнеполитических условий обра-

¹¹ W. Kamieniecki. Wpływy zakonne na ustrój litewski. «Przegląd Historyczny». T. 25. 1925, str.183.

зования государства в Литве. Для исследователя древней Литвы весьма существенное значение имеет новая оценка роли Ордена в Восточной Прибалтике, в частности в истории прусских земель, которая дана в работах Н. П. Грацианского, М. Н. Тихомирова, В. Н. Перцева, Ф. Д. Гуревич, А. Каминьского и других.

Наша наука пересмотрела традиционную трактовку восточноевропейской политики папства, игравшего немаловажную роль в истории Литвы. Достаточно назвать исследования И. П. Шаскольского, М. А. Заборова, Э. Ледерер, Т. Мантейффеля и других.

Перу видного советского литовского историка и археографа П. И. Пакарклизиса принадлежит серия исследований по истории прусских земель. Еще в буржуазное время он разоблачал в своих работах фальсификации истории восточнопрусских земель, допущенные немецкой историографией (взглядам которой отдала дань такие исследователи, как К. Буга, А. Салыс и другие). На обширном материале папских булл П. И. Пакарклизис сформулировал и осветил вопрос о папстве как реакционной силе в истории Литвы; он поставил папство в один ряд с Орденом, вскрыв антинациональную, грабительскую сущность последнего. Это были новые для литовской историографии темы. Большое значение имеют проблемы, поставленные литовским академиком Ю. И. Жюгждой: критика буржуазно-националистических концепций, изучение исторических, экономических, политических и культурных связей между Литвой и Русским государством, вклад литовского и прусского народов в общую освободительную борьбу против немецкой агрессии на Восток.

Одновременно с пересмотром и восстановлением в правах забытых исторических тем и фактов совершалась переоценка самой историографии вопроса (работы Я. Я. Зутиса, Г. Ловмянского, Г. Лабуды, А. Гейштора, Ф. Гентцена и других); постепенно выявлялись взгляды ее прогрессивных представителей (С. Даукантаса и других) и революционных демократов (П. Сиегенного и других). Иную трактовку в истории народов Восточной Европы получили и татаро-монгольское нашествие и роль Золотой Орды; этим наука обязана трудам А. Н. Насонова, Б. Д. Грекова, А. Ю. Якубовского, а также новейшей монографии С. Краковского. Принципиально иное освещение дано и истории Польского Поморья (работы Г. Ловмянского, Г. Лабуды, К. Тыменецкого и других). Немало нового внесено в трактовку литовско-украинских отношений трудами прежде всего К. Гуслистого и В. В. Мавродина. Появилась серия исторических и археологических исследований по ранней истории белорусских земель (работы Н. Н. Воронина, В. В. Седова, Л. В. Алексеева, А. В. Успенской, А. Г. Митрофанова, В. Голубович и других). Расширилось изучение литовско-прусских связей с Русью. На смену работам по традиционной теме военных контактов на передний план выдвинулось изучение экономических, культурных и этнографических общений (публикации М. Вимерите, Г. Б. Федорова, Н. Н. Чебоксарова, Я. Эндзелина, Е. Антоневича, К. К. Чербуленаса и других).

Многое сделано и в области археографии: опубликованы грамоты Новгорода и Пскова (С. Н. Валк), своды летописей — киевских, новгородских, псковских, владими́ро-суздальских, московских (Е. Ф. Карский, Д. С. Лихачев, А. Н. Насонов, М. Д. Приселков, М. Н. Тихомиров), повести, поэмы, жития (Д. С. Лихачев, В. П. Адрианова-Перетц, В. И. Малышев и другие), иностранные источники: повествования (В. Кордт), хроники (С. А. Аннинский)¹².

¹² Высказываясь за составление литовской историографии до 1945 г. (М. Нелл-тапн. Указ. соч., стр. 159, примечание 1-е), М. Гельманн рискует оставить своих соотечественников в неведении относительно большого числа упомянутых выше работ, опубликованных за последние годы.

Интернациональный характер марксистской историографии, проникнутой идеями уважения к историческому прошлому всех народов, позволяет ее представителям взаимно обогащать труды друг друга и быстрее изживать недостатки, унаследованные от дворянско-буржуазной науки, в частности остатки разного рода националистических теорий и взглядов.

Но до сих пор в нашей науке нет исследования, в котором образование Литовского государства рассматривалось бы в целом как имманентный процесс, представлявший собой с социально-экономической стороны превращение части свободных земледельцев-общинников в привилегированных собственников-феодалов, а подавляющего большинства — в зависимых землевладельцев-крестьян.

Таким образом, весь материал, накопленный наукой, и все сделанное до сих пор по его осмыслению дают основание для новой постановки проблемы образования государства в Литве.

Следовательно, мы вправе признать, что информация М. Гельманна по меньшей мере грешит неполнотой, так как он не знает значительного числа исследований советских и польских ученых.

Далее наш критик пишет: это «чистая теория, когда Пашуто говорит... о сдвигах в производительных силах Литвы XIII в. и о преобладании сельского хозяйства даже у ятвягов»¹³. Ныне уже нельзя судить о таких вещах без знания археологии.

Первые страницы истории народного хозяйства Литвы погребены в земле, и прочитать их могут только археологи. Кое-что они уже прочли. Литовский археолог П. Куликаускас, основываясь на данных раскопок, недавно писал: «Следует полагать, что земледелие (в Литве.— В. П.) достигло широкого развития уже в первых веках нашей эры. Об этом свидетельствуют находимые во время археологических исследований железные топоры, серпы, кесари, мотыги, зернотерки и жернова, а также различные злаки»¹⁴. В предшествующей историографии вывод о господстве земледелия в Литве разделяли К. Ломейер, М. К. Любавский, П. Климас; его подкрепляли археологическими изысканиями А. А. Спицын, Л. Крживицкий, М. Матлакувна и другие; особенно убедительно обосновал его Г. Ловмянский¹⁵. К обильным сведениям хроник можно добавить свидетельства литовского народного календаря, названиями месяцев указывающего на глубокую древность земледелия¹⁶. Допустим, соглашается М. Гельманн. А ятвяги? Как оценивать их хозяйство? На это дает ответ исследователь ятвяжской истории А. Каминский. Ссылаясь на источники, он доказывает, что «главными элементами хозяйства ятвягов были хлебопашество и скотоводство»¹⁷. К чему нам закрывать глаза на все эти факты?

В вопросе о «сдвигах» в производительных силах Литвы археология тоже не на стороне М. Гельманна. Литовский археолог А. Таутавичюс, изучающий городища первого тысячелетия различных районов Восточ-

¹³ Там же, стр. 161.

¹⁴ P. Kulikauskas. Kai kurie archeologiniai duomenys apie seniausią Lietuvos TSR teritorijoje augintus javus. «Труды» АН Литовской ССР, сер. А. Т. I, Вильнюс. 1955, стр. 84; ср. Ю. М. Юргинис. Земледелие и техника сельского хозяйства Литвы в XIII—XV вв. Там же, стр. 57—73.

¹⁵ H. Łowmiański. Studia nad początkami państwa litewskiego. T. I. Wilno. 1931, str. 145 и сл.

¹⁶ См. М. Гусев. Древний литовский календарь. «Известия» императорского археологического общества. Т. V, вып. 5. СПб. 1865, стр. 335—348.

¹⁷ A. Kamiński. Jaćwież. Terytorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne. Łódź. 1953, str. 189, ср. стр. 124 и сл.

ной Литвы, отмечает широкое употребление железа. Инвентарь грунтовых и курганных погребений подкрепляет этот вывод. Но нас сейчас интересует не это, а то важное наблюдение, что ранний археологический материал говорит об исконности имущественного равенства в Литве. Для нас особенно существенны три заключения археологов.

Во-первых, то, что качество изделий, в частности оружия, постепенно улучшается, но оно становится принадлежностью лишь богатых погребений¹⁸. Началом II тысячелетия датируются клады с серебряными вещами.

Во-вторых, в конце I — начале II тысячелетия н. э. происходила славянская колонизация восточнолитовских земель, где таким образом создавалась область значительной культурной общности кривичского и литовского населения, облегчавшая экономические и иные связи литовцев и славян¹⁹. Какими средствами достигалось это, будет видно из политической истории Литвы. Существенно и то, что лингвисты (К. Буга, Е. Карский, П. Кипарский и другие) и этнографы (Н. Н. Чебоксаров, К. К. Чербуленас и другие) многочисленными данными подтверждают давнее крепнувшее трудовое общение литовцев и славян; в этом общении и заключалась основа синтеза производительных сил двух народов.

Наконец, археологи свидетельствуют, что из курганов постепенно исчезало оружие²⁰, а одновременно на городищах, которые строились и на высоких берегах рек и в окружении болот, появлялись погребения вооруженных всадников с богатым инвентарем²¹; давно известные погребения с конем именно в X—XI вв. получили широкое распространение в центральной Литве²².

Следовательно, изучение производительных сил Литвы и практические итоги его позволяют утверждать, что к «чистой теории» придется отнести рассматриваемый здесь довод М. Гельманна.

За время становления литовского раннефеодального государства в экономике страны произошла существенная перемена. Мы имеем в виду формирование городов как центров ремесла и торговли, а также как феодальных замков и пограничных крепостей. О литовском городе говорит и М. Гельманн. Ссылаясь на высказанное нами мнение о сходстве путей развития литовского и древнерусского города, он полагает, однако, что речь должна идти о неких «предколониальных неаграрных хозяйственных центрах», которые, служа для защиты страны, господских замков и администрации, одновременно являлись центрами ремесла и промыслов²³.

История литовского города еще ждет своего исследователя. Для настоящей статьи достаточно наметить лишь основные вехи его развития в связи с отмеченными в археологии крупными сдвигами в разделении труда. Из полутора тысяч зарегистрированных литовских городищ дофеодальной поры лишь небольшое число превратилось в города.

¹⁸ А. Таутавичюс. Восточная Литва в первом тысячелетии н. э. (Автореферат кандидатской диссертации). Вильнюс, 1954; ср. A. Tautavičius. *Rutu lietuovos pilkapiai*. «Труды» АН Литовской ССР, серия А. Т. I. Вильнюс, 1955, стр. 87—98; ср. П. Куликаускас. Исследование археологических памятников Литвы. «Краткие сообщения» Института истории материальной культуры (КС ИИМК). Вып. 42. 1952, стр. 106.

¹⁹ См. Р. Куликаускас. Погребальные памятники Литвы конца I—начала II тысячелетия нашей эры. КС ИИМК. Вып. 42. 1952, стр. 120—121; В. В. Седов. Кривичи и словене (Автореферат кандидатской диссертации). М. 1954, стр. 12, 14—15; Л. В. Алексеев. Полоцкая земля в IX—XIII вв. (Автореферат кандидатской диссертации). М. 1955, стр. 7; А. Г. Митрофанов. К истории населения средней Белоруссии в эпоху раннего железа (Автореферат кандидатской диссертации). Л. 1955, стр. 10, 16—17; А. В. Успенская. Белорусское Полесье в X—XIII вв. (Автореферат кандидатской диссертации). М. 1953, стр. 14 и др.

²⁰ Р. Куликаускас. Погребальные памятники..., стр. 111; А. Таутавичюс. Указ. соч., стр. 98.

²¹ П. Куликаускас. Исследование археологических памятников..., стр. 106.

²² Р. Куликаускас. Погребения с конями у древних литовцев. «Советская археология». Вып. XVII. 1953, стр. 214, 217, 222.

²³ М. Hellmann. Указ. соч., стр. 162.

Древнейшим типом укрепленного поселения с элементами местного ремесленного производства были общинные убежища — городища-замки. Ю. М. Юргинису удалось на материале XIII—XIV вв. определить, что первоначально к их числу относились Оукаиме (Аукаймис), Путенице (Путвай) и другие²⁴.

Другим видом укрепленного поселения, в котором могли сосредотачиваться ремесленные группы, являлись усадьбы — замки nobилей типа «дома» ятвяжского князя Стекинта²⁵, «града» князя Комата²⁶; на литовской земле это дворы (hof, habitatio) Лингевина²⁷, Сударга²⁸ и других. С образованием государства власть последнего распространилась на все крупные общинные городища и крепости, которые перечислены в русских летописях (Воруга, Твиреметь), в «Списке городов русских», в жалованной грамоте 1387 г. Скиргайло и в немецких хрониках. В конце XIII — начале XIV в., когда Жемайтия была осаждена немецким Орденом (тогда она и попала в поле зрения немецких хронистов), здесь насчитывалось более двадцати замков (Бизена, Виелоне, Пистен и пр.), которые выдерживали натиск врага и после разрушения быстро восстанавливались.

Наконец, крупные литовские города в собственном смысле этого слова выросли на месте старых центров ремесленного производства. Об этом говорят первые результаты раскопок Вильнюса²⁹. Вильнюс возник задолго до того, как в 1323 г. был упомянут в качестве столицы государства в письмах Гедимины к немецким поморским городам³⁰. Государственная власть в лице великого князя отдавала себе отчет в значении для Литвы крупных городов. В письмах Гедимины читаем, что он открыл свободный доступ из-за границы в страну рыцарям, воинам, купцам, ремесленникам всякого рода: кузнецам, изготовителям баллист, телег, строителям, каменотесам, сапожникам, кожевникам, мельникам, мелким торговцам; в других документах он дополняет перечень солеварями, серебряниками, оружейниками. Как видим, Гедимин в отличие от М. Гельманна в полной мере признавал роль «анонимного социально-экономического фактора» и не гнушался в своих призывах³¹ перечислять тех, от кого зависело благосостояние страны.

В связи с историей хозяйства М. Гельманн ополчается и на принятую нами трактовку литовско-русских отношений. Он пишет: «Нигде не сказано, что литовцы на Двине, Немане и Висле (о Висле, кстати говоря, не писалось. — В. П.) имели тесные связи с соседними Полоцком, Новгородом, Галичем, так что это привело к зависимости литовского хозяйственного развития от древнерусского» — и привычно кончает все тем же: «Об этой зависимости мы, в сущности, не знаем почти ничего»³².

Обратимся к источникам.

Данные археологии, упомянутые выше, говорят о древних литовско-русских экономических связях³³. Здесь уместно сказать о значении для литовской экономики городов, которые до 40-х годов XIV в. попали под

²⁴ J. Jurginis. Valstiečių bendruomenė ir feodalinė tvėnija Lietuvoje XIII—XIV amžiais. «Груды» АН Литовской ССР, серия А. Т. 2. Вильнюс, 1957, стр. 52 и сл.

²⁵ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. II. СПб. 1908, стб. 834.

²⁶ Там же.

²⁷ Livländische Reimchronik (LR). Ed. L. Meyer. Paderborn. 1876, S. 69, v. 3002.

²⁸ Petri de Dusburg, Chronica terrae Prussiae (PD). Ed. M. Toeppen (в серии — Scriptores Rerum Prussicarum). Т. I. Leipzig. 1861, III, 332.

²⁹ В. Голубович, Е. Голубович. Кривой город — Вильно. КС ИИМК. Вып. II. 1945, стр. 118 и сл.

³⁰ Liv-Esth- und Curländisches Urkundenbuch (LU). Ed. F. G. Bunge. Т. II. Reval. 1855, № 690, p. 146; ср. т. VI, Riga. 1873, № 3069.

³¹ Подобным образом действовали и другие выдающиеся правители — Даниил Романович Вольнский, Бела IV Венгерский и т. д.

³² М. Hellmann. Указ. соч., стр. 161.

³³ А. Таутавичюс. Указ. соч., стр. 10, 13, 15, 17.

власть Литвы вместе с землями Белоруссии: это свыше сорока городов в Центральной Белоруссии (Полоцк, Витебск, Минск и другие), а также Черной Руси, Подляшья и Полесья. По новгородско-литовскому соглашению 1333 г. под литовским контролем оказались и новгородские пригороды: Копорье (наполовину), Орешек, Ладога, охранявшие с юга торговый путь из Финского залива в Ладожское озеро, а также Корельский город (на западном берегу Ладожского озера) и Корельская земля, прикрывавшие его с севера. Отметим также, что с конца XIII в. в сферу литовского влияния попали города Усвят, Торонец и Луки. Все эти факты подлежат внимательному учету при оценке экономики Литвы.

Старая историография запутала этот вопрос, ибо была связана предвзятым мнением о бессословности русских городов. Ныне он нашел ясное решение, а потому и сама политика литовского правительства в этих городах должна получить принципиально иное освещение. Здесь мы можем лишь констатировать, что с экономической точки зрения литовское правительство получило в свои руки значительное число крупных центров ремесленного производства, имевших давние налаженные торговые связи с другими городами на Руси и торговыми центрами Польши, Германии, Дании. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль в быстром укреплении экономических основ литовской раннефеодальной монархии.

Наше представление об уровне литовского хозяйства подкрепляется сведениями о торговле. Письменные источники XIII—XIV вв. подтверждают, что золото и серебро фигурировали и у литовцев и у пруссов в качестве платежного средства и сокровища; оно и понятно, коль скоро в 1387 г. «сребщизна» стала одной из форм государственного налога. Начальные формы торговли сочетались с разбоем, с грабительскими набегами на соседние страны.

Нельзя признать убедительным мнение, будто главной причиной широких завоевательных походов Литвы явилась хозяйственная недостаточность этого края и что в конце XII в. литовцы стали перед дилеммой: покупать или грабить. Ведь угоняли они наряду со скотом и людей (в соотношении 1,5 : 1), увозили телеги, груженные не зерном и репой, а дорогим добром, которым голод не утолишь. Значит, литовские нобили, руководившие грабежом соседей, рассчитывали найти сбыт этому добру в своей стране, где подобное имущество уже давно обладало какой-то стоимостью. Характер грабежа, как увидим ниже, определялся способом производства. А хозяйственная недостаточность части населения — результат изменения характера распределения доходов с земли. С возникновением частной собственности это было неизбежно.

Хроники и акты подтверждают, что существовала внутренняя торговля, например, между Аукштайтией и Жемайтией³⁴; велась торговля между Жемайтией и Орденом³⁵; с поморскими, прусскими, польскими и чешскими городами³⁶; происходила торговля и с Русью. Литва торговала с Новгородом, иначе трудно понять передачу Новгородом в 1333 г. своего торгового пути под охрану Литвы; она торговала и с Псковом, в противном случае трудно объяснить крутые действия Ольгерда во время размирья 1343 г., когда «что бяше гость псковский в Полотеске или в Литве тех приимше Олгерд и сын его Андрей, товар их весь отъяли, и кони, а на самых окуп поймаше, отпустили прочь»³⁷. Едва ли можно

³⁴ Codex Epistolaris Vitoldi (CEV). Ed. A. Prochaska. Cracoviae, 1882, № 285, p. 97, № 391, p. 166.

³⁵ LR, S. 107; CEV, № 67.

³⁶ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии (ГЛ). Изд. С. А. Аннинский. М.-Л. 1939, IV, 7 (1200 г.); Preußisches Urkundenbuch (Politische Abtheilung) (PU). Bd. I, 1. Ed. R. Philippi-K. P. Wölky. Königsberg. 1882, № 25. (булла Гонория III от 1218 г.), № 275 (булла Иннокентия IV от 1253 г.), ср. LU. Bd. I, № 371 (булла Урбана IV от 3 декабря 1262 г.).

³⁷ Псковские летописи (ПЛ). Вып. I. М.-Л. 1941, стр. 21; вып. II. М.-Л., 1955, стр. 27, 99.

сомневаться, что это не первые псковские гости в подвластном Литве Полоцке, да и в самой Литве. О том же, бесспорно, свидетельствуют жалобы Любека Новгороду (1335 г.) на совместные литовско-псковские действия против немецких купцов³⁸. Велась литовская торговля и с Волынью, иначе трудно понять известие летописи о покупке здесь хлеба ятвягами³⁹; сообщение Дюсбурга о захвате рыцарями литовского торгового судна на Буге⁴⁰, а также сообщение источника о перехвате Орденом представителей Болеслава-Юрия, возвращавшихся из Литвы, и т. п.

Но факты о собственно литовско-русской торговле, которые мы привели здесь для М. Гельманна, — лишь часть дела.

Под власть Литвы попали Полоцк, Витебск и другие города, издавна имевшие торговые связи с крупными экономическими центрами соседних земель Восточной Европы — Шлезвига, Вестфалии и прочих. Вторжение крестоносцев не смогло прервать этих связей, а литовское правительство постаралось поддержать их и упрочить, отлично сознавая свои реальные выгоды от сохранения этого рода древнерусской «старинны». Договоры, заключенные Ерденом, Войшелком, Тройденом, Витеном, Гедимином с Ригой и с самим Орденом, непреложно свидетельствуют, что подчинение белорусских городов и сохранение торговых связей с Русью дали возможность Литве успешно противостоять экономической блокаде, объявленной папской курией.

Литовско-русско-немецкими договорами 1323 и 1338 г. Литва добилась крупного внешнеполитического успеха. Заинтересованность приморских городов и прежде всего Риги, а также орденского правительства в давних торговых связях с землями Литовского великого княжества оказалась сильнее войны. Правда, агрессия Ордена не прекратилась, нанося огромный ущерб Литве. Однако, провозглашая величие просветительной миссии на Востоке, высоко вздымая крест во имя этого праведного дела, рыцари и купцы одновременно бойко торговали с врагами Христа оружием, салом, редькой и луком⁴¹ к вящей выгоде и наместника св. Петра.

Из области экономики М. Гельманн переходит в сферу общественного строя Литвы. Здесь, по его мнению, господствует такая же тьма. «Ошибочно говорить, — пишет он, — о «сельской общине» как основе аграрного устройства, ибо в источниках она нигде, даже косвенно, не отмечена»⁴², поэтому «чисто теоретическими» считает М. Гельманн и разговоры о распаде патриархально-общинного строя. Обратимся снова к источникам.

Выше мы сослались на те из них, которые подтверждают сходство общественных отношений пруссов и литовцев; оно было столь велико, что в пору кратковременного завоевания Орденом Жемайтии местным нобилям было пожаловано прусское право⁴³. Следовательно, нормы прусского права были применимы в Литве; в этом не сомневались и жемайтские нобили, которые даже считали его недостаточным и настаивали (правда, безуспешно) на получении права кульмского⁴⁴. Вполне естественно, что историк Литвы не может пройти мимо памятников прусского права. Теперь они нам достаточно известны: это, в частности, Помезанская правда⁴⁵.

³⁸ LU, T. VI, Reg. 904 b; ср. № 2770, Reg. 733 b (документ от 1311 г. сообщает о подобных же действиях в 1298 г.).

³⁹ ПСРЛ, Т. II, стб. 879.

⁴⁰ PD, III, 229 (80-е годы XIII в.).

⁴¹ См. об этом LU, I, № 585, p. 750, ср. материалы «допроса свидетелей» Франциска де Молиано (1312 г.).

⁴² M. Hellm a п. Указ. соч., стр. 161.

⁴³ См. Scriptorum Rerum Prussicarum (SRP). Т. III, p. 240; CEV, p. 78.

⁴⁴ SRP, Т. III, p. 284.

⁴⁵ В. Т. Пашут о. Помезания. М. 1955, стр. 55. Эта работа, очевидно, еще не была известна М. Гельманну, когда он писал свою статью.

Из анализа этого источника нами сделаны следующие главные выводы: основная часть прусского крестьянства находилась в феодальной зависимости, успевшей отразиться в нормах собственно «крестьянского права»; Помезанская правда регулировала жизнь лично свободных пруссов — крестьян и некрестьян; крестьянство было организовано в сельские общины; патриархальная домашняя община уходила в прошлое под напором новых общественных отношений, настоящее и будущее принадлежало индивидуальной семье; закабаление крестьян продолжало усиливаться и выражалось в появлении таких категорий зависимых людей, как огородники, холопы, слуги; верхушку местного прусского общества составляла землевладельческая знать — нобили; немецкие феодалы, захватившие Пруссию, являлись основной частью господствующего сословия.

Итак, есть основание признать, если только не считать орденскую администрацию в Жемайтии несведущей в делах управления (к чему она поводов не дает), что и сельская община, и остатки патриархальных отношений, и прочие явления раннефеодальной поры наличествовали в этой части Литвы; лишь в этом случае Помезанская правда могла стать подходящим кодексом для регулирования правовых отношений в среде лично свободных жемайтов.

Литовская община имеет длительную историю. Более поздние этапы развития сельской общины тщательно разработаны Д. Л. Похилевичем. Патриархально-общинные порядки тоже не прошли бесследно; их остатки могут быть выявлены и в коренной Литве и на подвластной ей белорусской территории.

Археология отмечает изменение форм погребения: переход от коллективных захоронений к индивидуальным (двойным), следовательно, постепенное возобладание индивидуальной семьи над патриархальной домашней общиной⁴⁶. Литовцы, как свидетельствуют хроники, знали обычай побратимства — присягой, пожатием руки, пролитием крови. (Хроника упоминает о самоубийстве 50 жен погибших литовцев — ярком пережитке патриархальных отношений.)

В источниках сохранились свидетельства о таком ярком общинном институте, как «гонение следа» и коллективная ответственность общины; остатки этого «древнего обычая» отражены еще в Литовском статуте 1588 г.⁴⁷, тогда как Помезанская правда раньше отменила этот институт на земле пруссов⁴⁸. И фольклор широко отразил патриархально-общинную старину. Устойчивость ее пережитков коренится в том, что патриархальная домашняя община, возникнув как часть рода, пережила свой расцвет накануне перехода к феодализму, а затем, основываясь на частной собственности, сохранялась в составе сельских общин и при новых условиях наряду с индивидуальной семьей (это ясно видно из Помезанской правды).

К. Яблонскис, прослеживая на обширном актовом материале более позднего времени развитие социально-экономической терминологии, сделал весьма ценные наблюдения над тем, как древние институты свободных общин, в частности пчельное побратимство и толока, трансформировались в феодальные повинности⁴⁹. Не будем умножать примеры, ибо и без того

⁴⁶ R. Volkaitė-Kulikauskienė. Klasinės visuomenės susidarymas Lietuvoje. «Ученые записки» историко-филологического факультета Университета имени В. Капсукаса. Т. I. Vilnius. 1955, p. 135; P. Kulikauskas. Kurmaičiu (Kretingos raj) plokštinio kopūnų turgėjųimai. «Ученые записки» Института истории АН Литовской ССР. Вильнюс. 1951, стр. 315; X. A. Moore. Памятники позднего неолита и ранней эпохи металлов в Прибалтике. КС ИИМК. Вып. 48. 1952, стр. 15.

⁴⁷ J. Jurginis. Указ. соч., стр. 63.

⁴⁸ Помезанская правда, ст. 26; В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 40, 125.

⁴⁹ K. Jablonskis. Die offizielle Urkundensprache des litauischen Großfürstentums als kulturgeschichtliche Quelle. «Conventus Primus historicorum Balticorum». Acta et relata. Rigae. 1938, S. 273—274.

ясно, что М. Гельманн заблуждается, утверждая, будто литовская община нигде в источниках не отмечена.

В старой литовской историографии нет книги, где бы история образования государства была связана с историей сословий — классов; само происхождение последних (как о том свидетельствуют монографии З. Ивин-скиса, К. Авижониса и других) фактически не изучалось.

М. Гельманн не нарушает этой традиции. Правда, он уверен в том, «что древнелитовский дружинный строй и литовское военное сословие («Kriegerkaste») — мелкое дворянство — «возникли в тесной связи с соответствующими древнерусскими явлениями»⁵⁰, но он же твердо убежден, что нет оснований говорить о феодализме в Литве и «обозначать нобилей как «крупных землевладельцев», ибо это ведет к неверному представлению; если же обозначать их термином «феодалы господ», то и этим, в сущности, ничего не будет сказано о характере их господства, так как мы не знаем отношений между ними и окрестно живущим сельским населением»⁵¹.

И хотя «мы не знаем», но это, уверяет читателей М. Гельманн, вовсе не феодальное господство, а просто «господство над землей и людьми»; оно заметно с конца XII в., притом не только владение землей, а именно размер дружины (по этому пункту изложение у М. Гельманна нечеткое) определял силу нобилия, — «здесь мы встречаемся с зарождением военного сословия (Kaste), которое отличается от земледельческого и позже, во второй половине 13 и в 14 в., хорошо засвидетельствовано для Литвы»⁵².

Мы подошли к самой трудной части проблемы. Надлежит объяснить, каким образом первоначальное равенство имуществ, точно фиксируемое археологией, сменялось быстро возрастающей имущественной дифференциацией и какой общественный строй пришел в Литве на смену патриархально-общинному.

Здесь помогают прусские источники, в частности Кишпоркский договор 1249 года. Он бесспорно свидетельствует о том, что основу свободы и благосостояния пруссов еще в доорденское время составляла неограниченная частная собственность, прежде всего на движимость (а также и недвижимость), с правом наследовать, завещать, продавать, то есть, иначе говоря, основу свободы составлял аллод⁵³. Такое развитие аллода, в свою очередь, возможно лишь при парцеллярном хозяйстве. Эволюция общинной собственности у пруссов (и литовцев) в полноценный аллод понятна: эти земли долгие другие в Европе сохраняли догосударственное общественное устройство.

Спрашивается, можно ли установить, какая форма собственности предшествовала аллоду и какая пришла ему на смену? По первой части вопроса литовских данных у нас нет, они так далеко вглубь не идут, но в прусском материале ответ найти можно. Как явствует из весьма важного известия Галла-Анонима (XI в.), у пруссов существовали «наследственные жребии», по которым распределялась земля «между жителями и земледельцами»⁵⁴. Наследственные жребии — явление хорошо известное. Как свидетельствует история германской, византийской, русской общины, они возникли вследствие постепенного упадка коллективной, общинной собственности на пахотную землю при сохранении общинных лесов, лугов, пустошей и т. п.

⁵⁰ М. Hellmann. Указ. соч., стр. 164.

⁵¹ Там же, стр. 162.

⁵² Там же, стр. 162—163.

⁵³ См. PU, I, № 218, S. 158—165. В целом этот памятник рассматривается нами в статье «Кишпоркский договор 1249 г. как исторический источник», которая печатается в сборнике «Проблемы источниковедения». Вып. 7.

⁵⁴ «Monumenta Poloniae Historica». Ed. A. Bielowski. T. I. Lwów. 1864, p. 478.

Таким образом, прусских, а также идентичных им литовских нобилей породило то, что отдельные общинники-земледельцы по мере совершенствования орудий производства и навыков к труду (и это обстоятельство бесспорно устанавливает археология), а значит, и роста производительности труда, и по мере разрастания бывших в частной собственности их семейств домашних имуществ (дом и двор, судя по Помезанской правде, уже давно составляли частную собственность земледельца) в условиях парцеллярной обработки земли, частного присвоения ее плодов обрели способность прокормить дополнительную рабочую силу, а последняя могла производить теперь больше, чем требовалось для ее простого поддержания.

Вот почему парцеллярное хозяйство — источник частного присвоения, создающий почву для сосредоточения движимого имущества — орудий труда, скота, денег, а иногда и несвободных людей — в руках свободного земледельца. По требованию все большего числа земледельцев общинное владение пахотной землей сменялось отдельной собственностью (наследственные жребии хроники Галла); раз полученная по жребию земля попадала сперва в наследственное владение, а затем в частную собственность семей (известную по Кишпоркскому договору). Это было прогрессом, ибо частная собственность в сравнении с патриархально-общинной открывала больший простор личной инициативе земледельцев.

Как только один свободный земледелец экономически усиливался настолько, что присваивал себе не только орудия труда, скот, но и участки земли нескольких соседей и начинал извлекать за счет их труда прибавочный продукт, происходила трансформация этого в прошлом трудящегося земледельца в нобиля — будущего феодала, а работающих на него соседей — в зависимых людей — будущих несвободных крестьян. Прусские акты (по этой теме их опубликовано более двухсот) отражают один из вариантов этого процесса, который имел многообразные оттенки, но по всей Литве и Пруссии породил принципиально одно и то же: лично свободную знать и лично зависимых крестьян; крестьяне, еще сохранявшие аллод, занимали промежуточное положение; в дальнейшем их меньшинство было уже государственной властью поднято до нобилей, а подавляющее большинство постепенно попало в число лично зависимых от частного и государственного владельца крестьян.

Так возник главный признак феодальной собственности — монополия формирующегося класса феодалов на землю. М. Гельманну следовало бы проанализировать жалованные грамоты Ордена прусским и литовским нобилям. Эти нобили — в основном мелкие вотчинники, сравнительно недавно поднявшиеся из среды общинников-земледельцев, часть из них еще сама ходит за плугом⁵⁵, у других едва успели сойти мозоли с рук. Примечательно, что и этимология слова «господин» — *viespat(i)s* — как бы указывает на то, что он поднялся из веси, стал над ней⁵⁶.

Надо учитывать, что этот экономический процесс протекал в обществе с определенной догосударственной структурой власти, где правило вече, имелись вожди, старейшины, жрецы. Эти люди благодаря своему положению располагали, разумеется, большими возможностями к накоплению имущества и в дальнейшем в числе первых заняли место среди нобилей.

Наконец, еще одним источником дифференциации служила добыча от походов, причем характерно, что с развитием крупной собственности на землю в Литве ограбление соседей и их территорий сменялось их захватом, что осложняет историю литовского общественного строя.

⁵⁵ PU. T. I, 2. Ed. A. Seraphim. Königsberg. 1909, №№ 329 (1275 г.), 343 (1276 г.), 347 (1376 г.) и др. Ср. №№ 529 (1288 г.), 576 (1291 г.), 839 (1305 г.), 791 и др.; t. II, ed. M. Hein-E. Maschke. Königsberg. 1932, №№ 30, 193 и мн. др.

⁵⁶ A. Fraenkel. Slavisch *gospodь*, lit. *viēspats*, preuss. *waispattin*. «Zeitschrift für slavische Philologie». Leipzig. 1950, XX, 1, S. 66.

Если прусские акты рисуют главным образом мелких нобилей, владельцев небольших замков и ближайших сел, а чаще — нескольких крестьянских дворов, то литовские источники знакомят нас со следующим этапом истории нобилитета. Дорожники и летописи свидетельствуют, что нобили густо сидели на литовской земле среди крестьянских сел, зачастую владея ими. Здесь и мелкие нобили, чьи владения состояли из нескольких крестьянских дворов, которые известны из жалованных грамот Ордена⁵⁷. Это нобили, едва возвысившиеся над общиной. Здесь и нобили, так сказать, средней руки, часть которых обретала большую силу, подавляя, как известный Лингевин⁵⁸, с помощью короля своих противников. Владения этих нобилей, состоявшие из двора и в лучшем случае — нескольких сел, хорошо отражены в дорожниках и хрониках Германа Вартберге (дворы Мазейке⁵⁹, Виндейке⁶⁰, Егинте⁶¹ и др. и Петра Дюсбурга (дворы Сударга⁶², господина над Пелюзе⁶³ и др.). Наконец, несравненно более крупными земельными фондами распоряжались литовские князья Миндовг, Выкынт⁶⁴ и другие.

Три вида землевладения, известные в первые десятилетия существования литовской раннефеодальной монархии, как бы отражают путь, пройденный первыми собственниками земли от небольших вотчин до владений, охватывавших целые волости, земли и княжества. Процесс формирования Литовского государства поэтому и протекал в условиях острой борьбы среди разного рода собственников земли. Эти оторвавшиеся от общин и ставшие над ними люди объединили усилия для укрепления своего господства над трудовым народом Литвы; угроза со стороны Ордена, Руси и Польши еще больше заставляла спешить с этим делом.

Пестрые общественные группы нобилитета сливались в одно привилегированное сословие, состоявшее из князей, боярской знати и служилых людей. Аллод развивался в расчлененные формы собственности — пожизненный бенефиций и наследственный феод. Многообразные общественные группы народа образовали одно неполноправное сословие, состоявшее из государственных, лично свободных и частновладельческих, полностью несвободных крестьян. Но как можно это утверждать, когда «нам» ничего об этом не известно? — спрашивает М. Гельманн.

Во-первых, мы хорошо знаем, что владения нобилей были расположены среди сел (например, дворы Сударга, Ердения, Лингевина и другие); во-вторых, дорожниками не раз упоминаются великокняжеские дворы и села (Königshöffe, Königsdörfer); в-третьих, источники знают, что простой народ (communis populus) попал в зависимость от нобилей, князей, бояр.

Нам известны и некоторые категории зависимых людей. Это, во-первых, челядь (familia, gesinde), сама по себе отражающая лишь один из этапов истории патриархального рабства. Челядь — это невольные (obnoxii), холопы (servi), illiberi, drelle egen (то есть eigene) thatern и другие. Позднее частью этих терминов, возникших некогда для обозначения рабов, стали называть крестьян, терявших личную свободу (eigin knecht, knechtschaft). С другой стороны, часть холопов, получивших свободу — libertini, — сблизилась, вероятно, с соответствующей группой лично свободных крестьян. Данные сведения о челяди можно почерпнуть из хроники Петра Дюсбурга, писем Гедимины и других источников.

⁵⁷ PU. T. I₂, №№ 464, 529, 576, 791, 792, 839; t. II₁, № 30. T. II₂, Königsberg. 1935, № 485.

⁵⁸ LR, S. 64—71.

⁵⁹ SRP, T. II, p. 66 (1332 г.).

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, стр. 80.

⁶² PD, III, 332 (1317 г.).

⁶³ Там же, 228 (80-е годы XIII в.).

⁶⁴ В. Т. Пашуто. О возникновении Литовского государства. «Известия» АН СССР, серия истории и философии. Т. IX, № 1, 1952, стр. 35, 40.

Уже в договоре Войшелка с немцами имелась, вероятно, статья, запрещающая переход холопов. Во всяком случае, в «Слове» (около 1265 г.) полоцко-витебского князя Изяслава, подвластного Войшелку, читаем: «Поручники и должники, и холопы выдади»⁶⁵. В литовско-немецком мирном договоре 1323 г., заключенном от имени «господ земли», князей и бояр, предусмотрено, что в отличие от свободных людей, имевших право передвижения, несвободный *drelle* (в латинском экземпляре — *servus prorgius*) подлежал выдаче по требованию договаривавшихся сторон⁶⁶. Это бесправные люди, находившиеся в тяжелой крепостной зависимости. Тех, кто на место Литовского государства ставит некую чудодейственную личность, все эти факты, разумеется, интересовать не могут.

Не подлежит сомнению, что в Литве XII—XIV вв. правили нобили, владевшие челядью, что этой челядью они дорожили, а потому великие князья как представители «господ земли», защищая экономические интересы землевладельцев, лишили холопов права перехода и с помощью договоров стремились удержать подневольное население вотчин от бегства за рубеж.

Вместе с тем источники говорят, что холопы не могли быть в тот период ни единственной, ни тем более преобладающей частью трудящихся. Уровень производства и состояние общины в Литве того времени дают право предполагать, что там преобладали другие формы зависимости. Основной массой населения были те, кого источники знают под именем *смерды, homines, smethones, gebuwer*. О положении этой группы (как видно из источников, противостоявшей боярству) можно кое-что заключить уже из писем Гедимина 1323 года. Приглашая в страну земледельцев из-за рубежа, великий князь обещал им земли и полную свободу от повинностей, но лишь сроком на десять лет; затем он ставил для них условием вносить десятину в пользу великого князя⁶⁷. О полевой барщине речь еще не шла. Как быстро ухудшалось положение крестьянства, можно видеть из того, что уже при Витовте кметы-поселенцы должны были работать в повете по 14 дней в году с волоки⁶⁸.

Нет оснований соглашаться с теми, кто говорит о полной свободе литовского крестьянства при Гедимине. С экономической точки зрения здесь видно другое: крестьяне получали государственную великокняжескую землю и по истечении срока освоения обязаны были вносить за нее ренту в форме десятины. Князь — собственник земли, крестьянин — ее владелец. Если так обстояло дело с действительно свободными зарубежными новоприходцами, то могло ли быть иным положение аборигенов, особенно принимая во внимание, что, по сведениям Дюсбурга, народ уже делился на нобилей и игнобилей⁶⁹. Поскольку нобили — наследственные собственники земельных имуществ, постольку игнобили — неизбежно зависимые земледельцы; тем более, что и Орден, давая жемайтцам прусское право, видел здесь три группы населения: бояр, свободных и крестьян⁷⁰. Уже это в сопоставлении с несвободой крестьян — *gebuerer* в прусском праве (в Помезанской правде и актах) — заставляет признать существование зависимого крестьянства в Жемайтии.

Если бы оно тут было полностью свободно, то не возник бы спор о его судьбе между правительством Витовта и Орденом. Не входя в разбор источников спора, отметим лишь, что документы освещают нам общественный строй Жемайтии, где под верховной юрисдикцией сначала литовского,

⁶⁵ Русско-ливонские акты (РЛА), изд. К. Е. Напьерский. СПб. 1868, № 25-в.

⁶⁶ РЛА, № 58; PU. T. I, 2, № 418; LU. T. II, №№ 693, 694; T. VI, № 3070.

⁶⁷ LU. T. II, № 690.

⁶⁸ См. И. Якубовский. Земские привилегии Великого княжества Литовского.

«Журнал министерства народного просвещения». 1903, № 6, стр. 251.

⁶⁹ PD, III, 5.

⁷⁰ CEV, p. 78.

а затем и орденского правительства правили бояре — потомки древних нобилей-кунигасов — и их более мелкие служилые вассалы — *freunde* (друзья); высшая юрисдикция принадлежала правительству; крестьянская масса состояла в основном из лично свободных, но государственно зависимых крестьян-общинников (*zinshaftige menschen, freie gebuwer, gemeine luthé*), а также из крестьян, лично несвободных (*eugene luty, eigene, servi, illiberi*), частновладельческих.

Из этого спора следует и тот вывод, что не только в Жемайтии, но и в остальной Литве конца XIV в. сохранились значительные массы лично свободного крестьянства, платившего, как можно судить по письмам Гедимины, государственную подать, десятину. Это — преобладающая форма ренты, получившая ясное отражение в привилегиях 1387 и следующих годов.

Итак, в противоположность тому, что думает М. Гельманн, мы рассматриваем образование Литовского государства не как историческую случайность, обязанную своим существованием рождению на свет Миндовга, а как закономерный результат перемен в хозяйственном и общественном развитии страны, а также изменений в ее международном положении.

История древних литовцев и пруссов чрезвычайно интересна потому, что становление государства происходило у них позднее, чем у других народов Восточной Европы, и имело ряд примечательных особенностей. Источники позволяют заключить, что в Литве, где установился относительно высокий уровень хозяйства, складывались феодальные производственные отношения.

Одной из особенностей страны было то, что в силу конкретных исторических условий — уровня производства, а также географического положения, избавившего ее на длительный срок от внешних завоеваний, — аллод здесь получил относительно полное развитие. Он стал основой быстрого становления феодальной собственности и ее носителя — многочисленного, но мелкого нобилитета, в первую очередь в коренном ядре государства, расположенном в Аукштайтии. Более полным развитием аллода объясняются длительное существование значительной группы лично свободного крестьянства, относительная слабость крупного боярского землевладения и преобладание натуральной ренты (дякла).

Переворот в общественном строе Литвы происходил в форме борьбы за утверждение монархии. Он вовсе не был единовременным актом, а продолжался около полутора столетий (с конца XII до 40-х годов XIV в.) и сопровождался кровавыми расправами в среде нобилей; вооруженными столкновениями их дружин и полков; вмешательством соседних держав — Руси, Ордена, Польши; широкими народно-освободительными движениями; общей перетасовкой земельных владений, прежде всего в Аукштайтии, и бегством части нобилитета за границу при одновременном притоке прусских, русских и других дружинных сил.

В этих условиях постепенно возникали сословия феодалов и крестьян. Утверждение господства первых ознаменовало закат свободы вторых; поддержание этого господства в конечном счете составляло основной смысл возникшего в борьбе Литовского государства.

Этот общественный переворот происходил сравнительно поздно в особых экономических условиях, созданных сильным развитием аллода, а потому полное возобладание сеньерии с присущим ей иммунитетом, растянулось на ряд столетий. Оно было осложнено унией 1387 г. с Польшей и получило отражение в серии привилегий. Незавершенность аграрных преобразований — характерная черта литовского общества, объясняющая специфику и классовую борьбу и политический строй.

Конфедерация литовских земель сменилась их союзом, а затем относительно единой монархией, которая, сосредоточив в своих руках основные земельные фонды, опиралась на многочисленный служилый люд, пополняемый из среды лично свободного крестьянства. Ядро государства — «Литва Миндовга» — стало центром объединения земель Аукштайтии, Жемайтии, части Ятвягии и Земгалии.

М. Гельманн, отождествляя государство с Миндовгом, а его политику по отношению к России — с историей литовско-русских отношений, высказывает следующее соображение: попытка «сопоставить отношения в древней Литве со славянским соседством и акцентировать сверх меры совместную оборонительную борьбу Миндовга и Александра Невского против наступающего Запада... соответствует, правда, широко наблюдаемому стремлению советской историографии обосновать выравнивание по Востоку вновь приобретенных пограничных областей, однако в научном отношении не дает ничего нового»⁷¹.

Что касается «выравнивания», то ирония здесь вымученная. Речь идет не о «выравнивании», а о восстановлении попорченной исторической правды, о сплошном пересмотре концепций немецкой националистической историографии, веками служившей целям «натиска на Восток»; этот пересмотр начат советской наукой; он охватил науку стран народной демократии, передовых ученых буржуазных стран; остановить его нельзя, хотя он и пугает, как показал Г. Лабуда⁷², западногерманских коллег М. Гельманна.

Что касается литовско-русских отношений и их места в истории, то дело тут не в Миндовге и Александре, а в неизмеримо большем. Речь идет о еще одной особенности образования Литовского государства. Оно проходило в условиях, когда за короткий срок Литва оказалась в окружении феодально развитых стран: Руси, Польши, немецкого Ордена и, наконец, Золотой Орды. Это делало объединение литовских земель в единое государство условием дальнейшего существования литовского народа. Гибель пруссов, потеря свободы латышами и эстонцами не оставляли в этом сомнений.

Внешние условия ускоряли процесс создания государства и повлияли на его форму. Дело в том, что при образовании государства Аукштайтия не имела достаточных экономических и политических сил для прочного подчинения себе Жемайтии и Белоруссии, поэтому в основу объединения был положен принцип «ряда» (договора). Пришедшие в Аукштайтию к власти феодалы, с одной стороны, пошли на сговор с феодалами значительно более развитой Белоруссии, напуганными Ордой и Орденом; поделившись рентой с литовским господствующим классом, белорусские феодалы вошли в его состав; с другой стороны, нобилитет менее развитой Жемайтии, теснимый Орденом, также пошел на соглашение с аукштайтской знатью и ее князьями. Таким образом, новое государство отнюдь не было слиянием двух бессловных народов, как это рисовала старая наука и недавно, как увидим ниже, вновь нарисовал Г. Пашкевич.

Если в России дело шло к возникновению централизованного государства, основанного на решительном перераспределении боярской собственности в пользу широкого слоя служилых феодалов, то в Литве мы видим другое: синтез раннефеодальных институтов незавершенного феодализма коренной Литвы с развитыми институтами феодально раздробленного строя подчиненной ей Белоруссии. Поэтому в Литве XIV в. наблюдалось не начало централизации, а постепенное развитие феодальной раздробленности.

⁷¹ M. Hellmann. Указ. соч., стр. 165.

⁷² G. Labuda. Stare i nowe tendencje w historiografii zachodnio-niemieckiej. «Przegląd Zachodni», № 7—8. Poznań, 1956, str. 224—252.

Отмеченный синтез содействовал ускоренному становлению нового общественного строя. Литва получила в белорусских землях значительные экономические ресурсы, что помогло ей противостоять блокаде, организованной некоторыми странами во главе с курией; она нашла здесь недостающие элементы правового и политического устройства; вооруженные силы Белоруссии не раз использовались литовским правительством для борьбы против Ордена. Следовательно, белорусский народ, на который пало дополнительное бремя господства литовских феодалов, сделал крупный вклад в историю Литвы. Включение земель Белоруссии в состав Литвы положило начало превращению небольшого Литовского государства в Литовское великое княжество.

Начало объединения русских земель вокруг Москвы при Иване Калите открыло период коренных изменений в политическом положении Восточной Европы. В этих новых условиях насильственное укрепление и распространение власти литовских феодалов на белорусские, украинские и русские земли постепенно превратилось из источника силы Литвы в источник ее слабости: народы, придавленные Литвой, находили все более надежную опору в братском русском народе, в крепнувшем Русском централизованном государстве. Заря национального государства в России возвестила начало заката экономически, политически, культурно и этнически разнородного Литовского великого княжества.

Наконец, еще одной особенностью истории Литвы была ее вековая борьба с агрессивной немецкой Орденом, который поддерживали правительства Германии, Швеции, Дании, Чехии, Польши и особенно папская курия. Эта борьба шла непрерывно в Понеманье и Подвинье, сопряжалась с тяжелым разорением Жемайтии и неоднократными вторжениями крестоносцев в земли Белоруссии и Аукштайтии.

Казалось бы, вопрос ясен, ибо немецкие хроники, русские летописи и дипломатический материал дают возможность раскрыть ход борьбы довольно подробно. Но нет, М. Гельманн старается уверить читателя, что Орден и есть тот внешний фактор, который помог развитию Литовского государства.

М. Гельманн ссылается⁷³ на польского ученого Г. Ловмянского. Он считает, что наша критика взгляда Г. Ловмянского на данный вопрос несостоятельна. Этот аргумент отпадает, так как Г. Ловмянский почти за два года до появления статьи М. Гельманна творчески пересмотрел свою точку зрения в работе, посвященной борьбе литовского народа с агрессивной Орденом⁷⁴.

Другой довод содержит ссылку на исследования З. Ивинскиса, которые будто бы «показали значение Ордена не только как угрозы, хотя она и была, но и как источника поддержки Литвы против ее соперников»⁷⁵. Если автор хочет сказать, что литовское правительство умело играло на противоречиях в среде своих врагов, в частности между Орденом и городами, то он прав, но при чем здесь Орден как внешний фактор, содействовавший образованию Литовского государства? Уж не думает ли М. Гельманн, что без двухсотлетнего опустошения Жемайтии рыцарями Литва развивалась бы медленнее?

Следующим доводом является ссылка на работу Ю. Стакаускаса: он якобы показал, что в событиях сыграла роль «миссия» не только Риги, но и Гнезно и даже Магдебурга⁷⁶. Если автор хочет сказать, что политику наступления на Литву поддерживали не только правительства, но и церкви соседних стран, то он прав, ибо папская курия действовала

⁷³ М. Hellmann. Указ. соч., стр. 160.

⁷⁴ H. Łowmiański. Agresja zakonu krzyżackiego na Litwie w wiekach XII—XV. «Przegląd Historyczny». Т. XLV, zes. 2—3. 1954, str. 345—346.

⁷⁵ М. Hellmann. Указ. соч., стр. 164.

⁷⁶ Там же.

как враг Литвы, и Ю. Стакаускас этого не опроверг⁷⁷. Но при чем здесь образование Литовского государства?

И последний довод, изложенный в стыдливой форме: «Нельзя упустить из виду, что и внутри Ордена было, правда, лишь в слабых следах ошутимое, противодействие (sic!) политическим намерениям в отношении Литвы. Пашуто о нем упомянул, не признав, однако, его принципиального значения для политики Ордена»⁷⁸. Этого и нельзя признать, если только иметь в виду, что любые формы политики Ордена в отношении Литвы служили целям агрессии.

Заметим, кстати, что агрессия против литовского, как и вообще прибалтийских и славянских народов Восточной Европы, представляла собой лишь одно из проявлений крестоносного движения, возглавлявшегося папской курией и наиболее реакционными правительствами Западной Европы; другим направлением было наступление на арабские земли Передней Азии. Борясь за независимость, Литва оказала поддержку другим народам — пруссам и латышам (куршам, земгаллам) в их противодействии агрессии. Существенно и то, что уже в изучаемое время происходило постепенное сближение правительств Литвы и Польши, которое имело важное значение для успешного исхода борьбы литовского и польского народов с немецкой агрессией.

Борьбу литовского народа возглавлял молодой класс феодалов.

Обороняя родину, прославились многие мужественные воины и воеводы, такие, как Сурмине, Сударг, Маргер, воевода городенский Давид и другие. Сами литовские великие князья Миндовг, Тройден, Витень, Гедимин были не только крупными государственными деятелями, но и полководцами — организаторами вооруженных сил Литвы.

При всей непоследовательности стоявших во главе литовского народа князей и бояр он одержал, в конце концов, победу, внося тем самым свою лепту в освободительную борьбу народов Восточной Европы против агрессии немецких феодалов.

Статья М. Гельманна дает представление о широко бытующем в буржуазной историографии взгляде на проблему возникновения государства в Литве. Не прекращаются попытки создания и новых вариантов этой концепции, примером чему является изданная в Лондоне книга Г. Пашкевича «Происхождение России»⁷⁹. Автор ее — искушенный историк, написавший десятки работ о Литве и ее взаимоотношениях с Польшей, Русью, немецким Орденом. Основные главы книги посвящены истории древней Руси, но речь сейчас идет не о них, а о том разделе монографии, который относится к Литве. Литовская тема используется в качестве политического аргумента в пользу пропаганды норманской теории.

Казалось бы, именно образование Литовского государства, не знавшего спасительного «призвания» иноземных династий, давало повод для размышлений об отсутствии универсальности у принятой норманистами теории. Но нет, автор нашел свой очень своеобразный угол зрения на ли-

⁷⁷ Критикуя «политический эгоизм» Ордена и идеализируя курию (J. Stakauskas. Lietuva ir vakaru Europa XIII-me amžiuje. Kaunas. 1934, p.32, 114—115), автор преувеличивает значение папской опеки вообще и для Литвы в частности (там же, стр. 86, 90), оценивая соглашение Миндовга с папой как его «самую крупную победу» (там же, стр. 92). Ю. Стакаускас закрывает глаза на то, что курия легко поступалась суверенитетом любой страны ради своих фискальных и политических интересов. Разве не поступалась она суверенитетом Польши в пользу Ордена? Разве не вопреки воле курии пришлось венгерскому правительству вооруженной рукой изгонять тевтонов из Семиградья? Подобных примеров множество.

⁷⁸ М. Hellmann. Указ. соч., стр. 164 (разрядка наша. — В. П.).

⁷⁹ H. Paszkiewicz. The Origin of Russia. London. 1954.

товскую историю. Г. Пашкевич — норманист. Он полагает, что Русь, русские — это православные норманны, по крещении передавшие свое наименование восточным славянам. Русские, следовательно, не этническое, а религиозное понятие⁸⁰. Автор так и пишет: православные греки, норманны, финны, литовцы — все это русские⁸¹. Отсюда делается вывод: русского народа (nation) не было.

Какую же пользу для норманизма видит автор в литовской теме? А вот какую: он считает одним из основных и требующих более подробного рассмотрения вопрос о том, «действительно ли могли норманны, имея в виду свои ограниченные силы, господствовать на бескрайних пространствах европейского Востока». Попытка ответить на этот вопрос и сделана в третьей части книги, «посвященной литовской экспансии на Восток и сравнению ее с более ранними действиями варягов»⁸².

Итак, перед нами не история литовского народа, а история литовской экспансии на Восток, главным образом в XIII—XIV веках⁸³. Создается впечатление, что в книге Г. Пашкевича не содержится ничего принципиально нового по истории Литвы в сравнении с тем, что было в его более ранних работах⁸⁴. И в ней автор обошел коренную проблему образования Литовского государства. Он исходит из того, что Литве требовалось от соседней больше, чем она могла им дать. Это породило грабительские войны. Что возникновение подобных войн свидетельствует о крупных сдвигах внутри самого литовского общества, это автор оставил без внимания. Его интересует главным образом образование великокняжеской династии, которая ведет свое начало от князей — организаторов грабительских походов⁸⁵. «Поворотный момент» истории составляет правление Миндовга, который объединил страну силой оружия, денег, брачных связей⁸⁶.

Происхождение династии интересует автора (как, впрочем, по той же причине интересовало в старой историографии многих: И. Латковского, Ю. Пузыну, К. Ходыницкого, А. Шапоку, П. Шляжаса, Ю. Якштаса и других), потому что ей он приписывает чудодейственную силу. Перед нами монархическая история Литвы, построенная на принципах вульгарного биологизма: «Литовская экспансия в славянские земли началась в первую очередь из потребностей правящей династии, которая была вынуждена обеспечить землями своих членов. Рост великокняжеской семьи вел к расширению литовских границ. Страна могла лишь выиграть от такого развития, как это и было на деле, до тех пор, пока сохранялись дружеские отношения среди различных отпрысков династии»⁸⁷.

Автор, следовательно, идет вспять, к Ф. Леонтовичу, полагая, что в Литве господствовал некий семейный принцип правления и что от «плодовитости» ее великих князей якобы зависела активность внешней политики страны. История возникновения и развития Литовского государства есть, по Г. Пашкевичу, история литовской экспансии на Русь, поэтому он весьма подробно изучил наступление литовских князей и бояр на Восток, умелое использование ими политической раздробленности Руси. И в этой трактовке вопроса нет ничего нового. Старая историография всегда считала Литовское государство результатом деятельности князей и в зависимости от своих политических симпатий приписывала решаю-

⁸⁰ Справедливой критике по этому вопросу подверг недавно работу Г. Пашкевича Г. Ловмянский. См. H. Łowmiański. O znaczeniu nazwy «Ruś» w wieku X—XIV. «Kwartalnik Historyczny». Roczn. LXIV, 1, 1957, str. 84—101.

⁸¹ H. Paszkiewicz. Указ. соч., стр. 228.

⁸² Там же, стр. 181.

⁸³ Там же, стр. 186.

⁸⁴ Ср. H. Paszkiewicz. Jagellonowie a Moskwa. T. I (Litwa a Moskwa w XIII i XIV wieku). Warszawa. 1933, str. 1, 47, 285.

⁸⁵ H. Paszkiewicz. The Origin of Russia, p. 195.

⁸⁶ Там же, стр. 198—199.

⁸⁷ Там же, стр. 206—207.

щую роль в их успехах различным внешнеполитическим причинам: завоеванию Литвой русских, Орденом — прусских и литовских земель и, наконец, литовско-польской унии. Отягощенные бременем дворянского и буржуазного национализма, исследователи не раз превращали литовскую историю в средство сведения политических счетов между правительствами.

Вообще говоря, внимание автора к истории литовско-русских отношений понятно: без их всестороннего учета мы не поймем образование Литовского государства. Но это внимание не бескорыстно: Г. Пашкевич ищет, чем бы поживиться в пользу норманизма. Он не отрицает большую роль, которую сыграли славяне в истории Литвы: «Литовцы не разделили судьбу пруссов и латышей лишь потому, что они мобилизовали под своей властью славян для обороны»⁸⁸. Он находит причинную связь «между завоеванием славянских территорий и укреплением в Литве централизованной политической власти. Это развитие было соотносительным». Автор ставит вопрос абстрактно, а между тем его утверждение справедливо лишь для времени становления древнелитовского государства, до той поры, пока в разоренной монгольскими захватчиками Руси не возник новый национальный центр — Московское великое княжество.

Оценив подобным образом значение для истории Литвы ее наступления на русские земли, автор отвергает мысль о том, что издавна существовал русский народ (nation), который включал в себя все восточнославянские племена⁸⁹.

Отрицая существование русского народа, автор пользуется термином «восточные славяне», считая их некоей внеисторической категорией, пребывавшей неизменной в течение IX—XIV веков. Какие имеются у него для этого основания? Ведь нелепо отрицать, что и в Суздали, и в Галиче, и в Полоцке, и в других центрах власть находилась в руках не «восточных славян» вообще, а князей, бояр, дворян, что они, составляя господствующее сословие, решали судьбы своих земель и ради своих корыстных целей готовы были вступать в соглашения с другими государствами для борьбы друг против друга. Разве не то же мы видим в польском Поморье, Мазовии, Куявии? Однако никому не придет в голову отождествлять отсутствие политического единства страны с отсутствием самого народа, населяющего данную страну, и выдавать антинациональную политику тех или иных правителей за политику народа.

Сама народность развивается вместе с развитием экономики; упрочение политического строя содействует ее консолидации. И, напротив, ослабление экономики страны, подрыв ее политического единства могут вызвать дробление народности, ибо она не обладает прочностью, скажем, нации. Это свойства не только древнерусской народности, но и всякой другой в эпоху раннего средневековья. В период феодальной раздробленности это ясно видно из истории любой страны: и Руси, и Польши, и Германии — политическое дробление превалирует над интересами этнической общности.

Но и феодальная раздробленность — понятие сложное. Это не односторонний процесс распада, ибо на основе продолжавшегося экономического развития, роста городов, торговли созревают все более прочные политические образования, вроде Владимиро-Суздальской, Галицко-Волынской, Полоцко-Минской земель, которые создают условия для возникновения на общей основе древнерусской народности новых, более прочных братских народностей — великорусской, украинской, белорусской.

Притом нельзя утверждать, как это делает Г. Пашкевич, что в период феодальной раздробленности русские жители того или иного княжества считали себя чуждыми населению других русских княжеств (го-

⁸⁸ Там же, стр. 233, ср. стр. 205.

⁸⁹ Там же, стр. 252, ср. стр. 225—226.

ворившему на том же языке, имевшему то же культурное наследие, те же нравы и обычаи) и якобы не сознавали своего этнического отличия от других православных — греков, половцев, финнов, литовцев и иных. Подобное положение Г. Пашкевич может, конечно, выдвигать, но доказать его невозможно.

Автор отбросил очень существенный фактор, который на время в огромной степени усилил политическое дробление, — монголо-татарское нашествие. Он недооценил значение этого фактора, утверждая, что область литовской экспансии на Руси не была затронута вторжениями войск Батия⁹⁰. А разве, кроме этих войск, никто не опустошал Русь? Достаточно вспомнить монголо-татарские походы на Галицко-Волынскую землю, разорительные набеги через западнорусские земли на Литву; разве разрыв традиционных связей Полоцка, Витебска, Минска, Смоленска и других центров с остальной Русью не нанес им ущерба; разве не ослабила западнорусские земли утрата возможности получить военную помощь в Киеве, Чернигове или Владимире в случае угрозы со стороны Ордена или Литвы?

Наконец, не трудно обнаружить, что Г. Пашкевич рисует искаженную картину последующих литовско-русских отношений. Вот какими видит автор «восточных славян»: «Политическая раздробленность восточных славян, вражда, которая преобладала среди них, их безынициативность в отношении формирования более обширного политического целого, — все эти факторы, которые выступают с равной силой в 13 и 14 вв., как они выступали в 9 и 10 вв., облегчали присвоение руководства иностранными элементами»⁹¹.

Однако если «восточные славяне» были, как пишет ослепленный норманизмом автор, столь безынициативными, то почему же «иностранные элементы» потерпели полную неудачу на Руси в годы «гармонического правления»⁹² Кейстута и Ольгерда? Г. Пашкевич не может ответить, почему походы войск Ольгерда на Русь не позволили ему завладеть Новгородом, Псковом, самой Москвой; почему походы на Русь из источника силы Литвы превратились в источник ее слабости. Не может дать ответа на все эти вопросы он потому, что не желает учитывать прогрессивное историческое значение Русского централизованного государства.

Более того, как это следует из не очень вразумительного объяснения, данного автором, «славяне», завоеванные Литвой, угрожали самому существованию Литовского великого княжества.

По его утверждению, «с течением времени» сила «славянского населения в количественном и качественном отношении начала сказываться на своем иноземном господствующем классе. Влияние славянской культуры и особенно славянского языка, который использовался в письменности как норманнов, так и литовцев и на котором они, несомненно, говорили, внутренние браки, которые сглаживали существовавшие различия и противоречия, и, наконец, last but not least, общность религии — все это должно было создать условия, неблагоприятные равно для варягов и для литовцев»⁹³.

«Всемогущей» литовской правящей династии пришлось искать спасения, чтобы, подобно варягам, не исчезнуть с широкой исторической арены. По мнению автора, «спасение» было в унии с Польшей. Литва «ее унией с то же славянской, но католической Польшей, культурно соединившись с Западной Европой, пыталась избежать поглощения восточными славянами»⁹⁴.

Хорошо известно, что уния вызвала широкое национально-освобо-

⁹⁰ Там же, стр. 226.

⁹¹ Там же, стр. 253.

⁹² Там же, стр. 214, ср. стр. 232.

⁹³ Там же, стр. 253—254.

⁹⁴ Там же, стр. 254.

дительное движение в землях, подвластных Литве. Это движение наглядно опровергает утверждение автора о безынициативности «восточных славян» и т. п. Вероятно, поэтому автор и призывает не преувеличивать протест Полоцка и Смоленска, ибо-де правители этих городов были давно связаны с Москвой⁹⁵, а восставшие хотели лишь «удовлетворить свои собственные интересы»⁹⁶. Спрашивается: что это меняет в существовании освободительной борьбы? В новых условиях у русского и белорусского народов благодаря их труду и боевому героизму возобновился процесс экономической, политической, культурной и, следовательно, этнической консолидации. С появлением нового национального центра на Руси и вступлением правителей Литвы в соглашение с Польшей за счет русских национальных интересов русское население Великого княжества Литовского стало искать удовлетворения своих нужд на путях сближения с московским правительством.

В книге Г. Пашкевича история России превращена в историю ее завоевания и «сотрудничества» с иноземными угнетателями, в историю внутренней вражды. История литовского народа, который упорным трудом отвоевал свою землю у природы и отстоял ее от покушения враждебных соседей, рассматривается автором как история грабежей и захватов во имя «всемогущей» великокняжеской династии. В этом автор не оригинален. Книга носит на себе печать реакционной эмигрантской пропаганды. Единственно, до чего автор дошел своим умом и на что, кажется, еще никто из называющих себя учеными не решался, это — отрицание существования русского народа⁹⁷.

Взгляды, развиваемые М. Гельманом в Мюнхене, Г. Пашкевичем в Лондоне и особенно откровенно О. Галецким в Нью-Йорке⁹⁸, типичны и для литовской буржуазной националистической эмиграции. В лондонском сборнике «Alma Mater Vilensis», составленном при участии литовских и польских эмигрантов, Ф. Неверавичюс и другие печатают клеветнические статьи, в которых повторяют старые выводы из своих и чужих работ. Это не мешает им толковать о мнимом упадке литовской советской науки и считать себя истинными носителями «народного духа»⁹⁹. В США тем же неблагоприятным делом заняты такие историки, как К. Юргеле, А. Шапка и др.¹⁰⁰. Следовательно, старые концепции подновляются и используются как для оживления западногерманского «изучения Востока» («Ostforschung»)¹⁰¹, так и для активизации хиреющей научной деятельности польской и литовской эмиграции. Напрасно, однако, литовские историки-эмигранты назвали свой журнал «Ateitis» — на избранном ими антинародном пути у них нет будущего!

⁹⁵ Там же, стр. 247.

⁹⁶ Там же, стр. 248.

⁹⁷ Нет нужды говорить, что М. Гельман приветствовал сочинение Г. Пашкевича как «в высшей степени значительное». См. М. Hellmann. Grundfragen slawischer Verfassungsgeschichte des frühen Mittelalters. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Bd. 2, Heft 4. München, 1954, S. 403.

⁹⁸ См. O. Halecki. Borderlands of Western Civilisation. A History of East Central Europe. New York. 1952.

⁹⁹ См. F. Neveravičius. Zarys rozwoju kultury i twórczości litewskiej. «Alma Mater Vilensis», ed. Academic Community of the Wilno Stefan Batory University, zesz. 3. London. 1953, pp. 277—304.

¹⁰⁰ C. R. Jurgeļis. History of the Lutuian Nation. New York. 1948; A. Šapoka. Lietuvos valstybės isikurimas ir Mindaugas., Ateitis («Будущее») Brooklin. USA. 1951, № 3.

¹⁰¹ Об организации в Федеральной Республике Германии под видом «изучения Востока» планомерной пропаганды воинствующего реваншизма см. содержательную статью F. H. Gentzen. Die Ostforschung westdeutscher Historiker — eine Hetze gegen die Sowjetunion und Volkspolen. «Einheit». Berlin. 1955. H. 12, S. 1214—1222.